

DOI: 10.15643/libartrus-2018.6.4

Модель мира саха: семантика в ракурсе геометрии форм (на материале якутского эпоса)

© М. Т. Сатанар^{1*}, В. В. Илларионов²

¹Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточный
федеральный университет им. М. К. Аммосова

Россия, Республика Саха (Якутия), 677000 г. Якутск, улица Белинского, 58.

²Институт языков и культуры народов северо-востока РФ Северо-Восточный
федеральный университет им. М. К. Аммосова

Россия, Республика Саха (Якутия), 677000 г. Якутск, улица Белинского, 58.

*Email: satanar68@mail.ru

В условиях поиска путей становления нового холистического мировоззрения, слагаемого из синтеза частнонаучных картин мира, когда портрет единой картины мира предстает как открытая, систематически уточняемая и корректируемая система, представляется своевременным обращение к древнему мировоззрению через призму фундаментальных построений, где последнее может снять барьеры тенденции иррационализма, трансценданализма. В статье предпринимается попытка реконструкции эпической традиции пространственной модели мира саха в контексте геометрической картины мира. Цель исследования – выявление и описание структурно-семантического единства модели мира традиционного якутского понимания и постулатов геометрии форм. Исследование опирается на концепцию синтеза и интеграции наук, затрагивающей проблему научной рациональности в гуманитаристике С. П. Курдюмова. Для системного решения цели исследования авторами используются широко практикуемые в фольклористике методы, также апробируются методологии синергетики, экстраполяции, герменевтики. Полученная в результате исследования структурная и семантическая общность пространственного каркаса древнего мировоззрения олонхо и геометрической картины мира в виде пирамидальной формы обеспечивает не фрагментарное, а целостное восприятие и осознание единства мироздания.

Ключевые слова: саха, олонхо, геометрическая картина мира, фольклорный текст, мотив, Вселенная, числа, геометрия форм, треугольник, пирамида.

Введение

Ведущей тенденцией развития научного познания постнеклассического этапа мировоззрения выступает междисциплинарный синтез как предпосылка формирования нового мировоззренческого ориентира, предполагающего становление и развитие иных смыслов и ценностей в мышлении людей. Базовым компонентом для этого принято считать представление картины мира на основании интеграции научного эмпирического и метанаучного способов познания окружающего мира, которое может обеспечить осмысление отношения к миру, осознание ответственности перед природой и человечеством, понимание органичной включенности в мир. В современном обществе не менее важной представляется потребность в изучении генетической памяти мифологического, заложенного в сознании, обладающего мощным духовным потенциалом, который может служить действенным духовным инструментом. Обращение к заявленной теме вызвано поиском приоритетных путей интеграции научного знания в целом, для преодоления взаимного изоляционизма двух научных культур в контексте

синергии научных знаний и методов. В таком ракурсе представляется важным дешифровка и реконструкция пространственной модели мира народа *сахы* по принципу геометрических фигур. При этом исследование обращено именно к фольклорному тексту как важному средству сохранения и передачи традиционного мировоззрения *сахы*. В работе используется системный подход (М. С. Каган) к сравнительному анализу различных форм знаний – эпической традиции пространственных представлений и геометрической пространственной структуры. В этом смысле показательны работы исследователя Н. Л. Жуковской, на основе системного подхода анализирующей традиционную культуру, в частности, понятие времени и пространства в мировоззрении монголов [7]. Отправной точкой исследования служат теоретические положения А. Я. Гуревич, указавшие категорию пространства ведущей категорией в общей системе миросозерцания человека. Используется семиотический подход в изучении математической и геометрической символики в мифе В. Н. Топорова. Ведущей идеей выступает исследование фольклорного текста как продукта творения человека, еще точнее – как результата творения природного естества человека, неразрывно связанного с антропологическими и психологическими аспектами.

Форме присущ свой язык, характеризующийся геометрическим видом. Геометрическая форма имеет свою символику, которая была полем исследования многих ученых. Как универсальный феномен культуры она отражается в трудах П. А. Флоренского, с культурологических позиций изучена Э. Кассирером, в психологических аспектах – К. Г. Юнгом, с точки зрения мифологии – М. Элиаде, семиотическую ее интерпретацию находим у Ю. М. Лотмана, исследованию семантики художественных текстов посвящены труды О. М. Фрейденберг. К символу обращены научные интересы В. В. Иванова, В. Н. Топорова. В частности, для В. В. Иванова они выступали «кирпичами» мироздания, из которых возникает миф, внутри которого спрятано подлинное естествознание. О важной роли математики и геометрии в конструировании художественных текстов утверждает П. А. Флоренский: «Художественное произведение есть нечто само о себе, как организованное единство его изобразительных средств; в частности, оно есть организованное единство цветов, линий, точек и вообще геометрических форм» [31, с. 115].

Согласно А. И. Гоголеву, в образцах фольклорного искусства в живом бытовании сохранились космогонические мифы [5, с. 3]. Исследователи едины в том, что в мифах отображаются древние видения людей на Вселенную. Так, А. Ф. Лосев отмечает: «Нужно быть до последней степени близоруким в науке, даже просто слепым, чтобы не заметить, что миф есть (для мифического сознания, конечно) наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность. Это – совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола» [15, с. 1], конкретизируя «миф есть универсальная модель Вселенной в виде своеобразной реконструкции модели античного космоса [16, с. 77]. А. А. Потебня подчеркивал, что «мифологический образ создается в процессе познания природы» [25]. Научный взгляд В. Н. Топорова заключается в органическом соотношении мифологического мышления с космологическими схемами [29]. С. Ю. Неклюдов указал взаимопроницаемость научной и мифологической картин мира, переходящих друг в друга [18]. А. Ф. Косарев был убежден в определении мифологии как выраженной образной универсальной модели Вселенной [13]. Фольклорный текст предстает в виде не только сообщения, но и «культурного кода». Речь идет о метаязыке, семантическом языке исследуемого текста, о существовании двух уровней смысла текста – поверхностного и глубинного. В данном вопросе значительную ясность внесли научные выдержки К. Леви-Стросса. Далее, большой интерес вызывает момент

самого мифотворчества в виде фиксации процесса осмысления мира человеком в ходе творчества. По утверждению психолога Л. С. Выготского, генератором культуры, искусства, религии, фольклора выступают не только мифологическая, но и антропологическая картина мира. «Современный человек одновременно присутствует и в реально-историческом, как более позднем осознании времени, и в фольклорно-мифологическом, углубленно древнем времени, которое, скорее, принадлежит психофизиологии человека в работе мозга, т.е. антропологической картине мира. Миф, былина, сказка, народное творчество, как взгляд на мир, в формах художественных образов неизбежно отождествляются с субъективно-интуитивной реакцией на реальные события, явления, вещи и многообразные отношения между ними [24, с. 176]. Фольклорист В. Я. Пропп определяет творчество как семантическую «точку», откуда генерируются новые значения, наполняющие бытие смыслом. Ученый утверждает: «С того момента, как человек начал творить, моделируя „естественные явления“, он перестал быть „естественным“, другими словами – начал свое существование в историческом „инобытии“. Этому ритуалу суждено было стать почвой, на которой зародились или совершались по преимуществу такие процессы, как онтологизация, персонализация, субъективация, семиотизация, историзация. Прорыв в пространство закодированных сообщений предполагает движение от природы к культуре, от „естественного“ к „искусственному“» [25, с. 88]. Далее попытаемся дать более развернутое описание проекции сознания в момент творчества. Человека окружает мир, наполненный разнообразием многоголосия ритмов – это периодически повторяющаяся смена времен года, перемещение Солнца, лунные приливы и отливы, чередование света и темноты и т.д. Человек, являясь частью природы, имеет свой внутренний биологический ритм. Физиологическим механизмом для управления этими ритмами служит мозг человека. Ритм выступает важным показателем культурной среды, из чего очевидно понимание культуры как проекции самого человека. Значит, творческое природное человека-творца базируется на биологических и физиологических тождествах, которые в процессе творения его постоянно заставляют человека искать в творенном им культурном продукте ритмы живой природы. В данной проблеме значительный свет пролили труды М. Элиаде, посвященные исследованию мифов. Приведем отрывок из его трудов: «Человек традиционного общества чувствует фундаментальное единство всех видов „творения“ или „форм“ биологических, психических или исторических. Космогония представляет образцовую модель для любой ситуации, ведущей к творческому акту: все, что человек делает, повторяет в каком-то смысле „деяние“ как таковое, архетипический жест Бога-Творца: Сотворение мира» [35, с. 19]. Далее, поясняя еще конкретнее: «Космогония есть модель для подражания в любой области: не только потому, что Космос является идеальным архетипом одновременно для всех творческих ситуаций и для любого творчества – но также и потому, что Космос – это божественное творение. Он освящен в самой своей структуре. Делать что-либо, творить, конструировать, созидать, организовывать, придать форму, воплотить, сформировать – все это – значит, осуществить что-нибудь в реальности, придать жизнь чему-то и в конечном итоге сделать это нечто подобным самому гармоничному организму – Космосу. Космогонический миф можно рассматривать как образцовую модель для любого творчества» [35, с. 27]. Отсюда и логически осмысливаются научные изыскания этнографа С. Б. Рождественской: «Конвенциональный характер художественного образа, рассматриваемого как знак, заложен в единстве антропологической природы человечества, в том, что люди, с присущими им человеческими свойствами, воспринимают мир и воплощают это восприятие в образах единым путем, predeterminedенным натурой (природой) человека» [27, с. 22]. Затрагивая вопрос природы творчества, нельзя обойти вниманием существование

врожденных психических структур (архетипов). И как считает К. Г. Юнг, они присущи не только в глубинах подсознания каждого человека, но также свойственны функционировать и в коллективных представлениях (мифах), принадлежа человечеству в целом. По замечанию психолога, мифотворчество представляет собой процесс трансформации архетипа в образ. Вот таковы внутренние предпосылки процесса творчества, направленные на структурирование (организацию порядка) окружающего мира человеком.

Таким образом, в контексте рассмотрения фольклорного текста как продукта творения человека мы согласны с утверждением А. Ригля, что первейшим инстинктом творчества является желание человека сымитировать природное в трехмерном измерении [8, с. 268].

Базируясь на трудах предшественников, данная работа в якутских ориентирах является первой попыткой междисциплинарного синтеза древнего мифологического мировоззрения предков и научных геометрических построений как логическое продолжение предыдущих публикаций автора статьи, где были приведены структурно-семантические анализы космологических представлений олонхо в физической картине мира. Пространственная система в фольклорном тексте своеобразна, и наша цель – попытаться дать целостное представление ее семантики в ракурсе геометрии форм.

К вопросу поэтапной реконструкции модели мироздания эпического мировоззрения саха.

Приступим к поэтапному построению геометрического объема модели Вселенной мифологических воззрений саха. В фольклорном тексте божественное сознание представляется как признание наличия всеобщей заданности, откуда берут свое начало все видимое и невидимое. Это подтверждается с первых строк эпического повествования в виде упоминания понятия «в начале времени», когда еще не были сотворены «обитатели бурных небес»: «Далеко за дальним хребтом давних незапамятных лет... когда тридцать пять племен, населяющих Средний мир, не появились еще, задолго еще до того, когда в преисподней тридцать шесть родов не народились, и задолго до тех времен, когда на хребте небес тридцать девять свирепых племен еще не породились...» [20, с. 7]. И в это самое время была создана «изначальная мать-земля». Отсюда предполагается, что была все-таки какая-то сила – энергетическая и разумная, которая и явилась первопричиной вселенского процесса.

По сюжетосложению текста олонхо три мира появляются в результате упорной войны между объединениями трех племен *үс улуу биис ууһа* (три великих рода). А что было до войны, П. А. Ойунский объясняет следующим образом: «До этого они жили смешанно, не занимая определенной территории. Борьба разгорелась на почве обладания лучшими странами» [21, с. 12]. Мы допускаем, что данная мысль П. А. Ойунского связана с его концепцией, рассматривающей олонхо как отражение древней истории якутского народа. В тексте олонхо повествуется: «Незабываемая никогда нестихающая разразилась вражда... три великих рода в извечной вражде сто веков сраженья вели, одолеть друг друга они не могли» [20, с. 11]. Обессилившиеся от долгой битвы, они приходят к разумному разрешению конфликта, и Вселенная была поделена. Верхний мир достался племенам *Юрюн Айыы* и *Улуу Тойона*, Средний мир – человеческому роду, а Нижний – племенам *Арсан Дуолайы*. Данное универсальное трихотомическое понятие, как отмечает исследователь Е. И. Избекова, присуще многим древнейшим эпосам [9, с. 21]. В эпической традиции саха существует укоренившийся принцип – при воспроизведении модели мира с помощью числовой символики обычно вертикальное членение пространства связано с нечетными числами 3 и 9, при горизонтальном же членении пространства принято

употреблять четные числа 4 и 8. Отсюда вполне логично вытекает пространственное местоположение трех миров – единая вертикальная система мироздания эпического повествования.

Теперь обратимся к пифагорейской теории чисел. Пифагор утверждал, что началом всего выступает Монада – самодвижущаяся единица, что и есть душа [1]. «Монада», по учению пифагорейцев, означала «первое существо» («божество-единица»), идентифицирующаяся с числом 1 и обладающая качественным свойством «единого, неделимого» как символ абсолютного единства. Из монады возникает диада (в переводе с греческого означает двоицу), обладающая свойством деления в качестве абсолютной неоформленности. Далее от них происходят Числа. Затем «от Числа – Точки; от Точек – Линии; от Линий – Поверхности; от Поверхностей – твердые тела; от них – твердые тела, имеющие четыре элемента – Огонь, Воду, Воздух и Землю, из них, претворенных (взаимодействием) и совершенно измененных, и состоит Мир» [2]. 1 и 2 не считались цифрами, воспринимаясь «представителями» надмирских сфер [33]. По пифагорейскому учению, числа начинаются с 3, графически выражающегося треугольником, а затем и с 4, выражающегося квадратом. И здесь мы подходим к ключевому моменту, указанному Пифагором – базисной основой Вселенной, также всех процессов, наблюдаемых в ней, выступают математические законы, представленные числами и геометрией. При воплощении в физическом плане посредством приобретения форм эти числа обращаются в фигуры: если 1 – точка, то 2 уже линия или угол, 3 – треугольник в плоскости, 4 – квадрат в объеме [28, с. 335] Таким образом, «все вещи можно представить в виде чисел» [22], а далее и геометрических фигур. Древнегреческий философ Плутарх писал, что «изо всех чисел первым совершенным является число 3, как имеющее начало, середину и конец...» [23]. Пифагор был убежден, что в окружающем мире все поделено на 3 части. Относительно Вселенной он утверждал, что она трехчастен, разделяя ее на высочайший, высший и низший миры.

Далее приступим к анализу геометрической модели мироздания мифопоэтических воззрений. Как уже говорилось выше, мифологическое пространство состоит из трех миров – подземного, земного, небесного. Многие исследователи выделяют, что мотив трехчастности Вселенной устойчив в мифах разных народов (данная позиция, на наш взгляд, в очередной раз подтверждает единую антропологическую и психологическую природу человечества). Интерес вызывает момент образования мироздания в качестве устоявшегося эпического мировоззрения: «Госпожа, мать-земля моя, величиной с пятку серой белки будучи, расширяясь-растягиваясь, разрастаясь, рождалась; подобно вывернутому, мягкому, как замша, уху двухгодовалой важенки растопыриваясь во все стороны, постепенно увеличилась, оказывается» [23, с. 79], что несомненно, перекликается с концепцией расширения Вселенной, как основной идеи начала ее возникновения. Современные исследования в области изучения состояния Вселенной приводят к предположению, что все в космическом пространстве началось с единственной одной точки в сторону расширения. Внимание заслуживает присутствие понятия «начала» в виде «единственной точки». А. И. Гоголев указывает, что все три мира родились из одного первоначального хаоса, будучи связанные друг с другом. [5, с. 29], где еще пока отсутствуют структурные подразделения на уровни вселенского пространства. Параллели мы находим в тюрко-монгольских мифологиях: «два космических начала – небо и земля – выступали изначально единой слитной стихийной силой, потом отделившись друг от друга» [34, с. 21]. На основе богатого материала мифологических легенд и А. Е. Кулаковский, и П. А. Ойунский считали, что самым высшим божеством, сотворившим мир Вселенной, является *Юрюн Аар Тойон*. Так, в «Песне о сотворении земли» М. Н. Ионовой-Андросовой упоминается: «По соиз-

волею вышнего Юрюн Айыы Тойона была устроена, оказывается, эта восьмибодная, восьмикрайняя, нарядная, прекрасная, изначальная наша мать-страна» [10, с. 236]. Не вдаваясь в подробности различия в названиях божеств (данный аспект достаточно подробно рассмотрен в предыдущей статье авторов [29]), заметим – в песне признается акт творения. Ценным источником служит миф, записанный Я. И. Линденау в «Описании якутов (1671–1748)»: «Братья Аар Тойон, Юрюн Айыы Тойон и Сюгэ Тойон единодушно решили сотворить небо и землю...» [36, с. 115] – начинается зачин повествования, где тоже центральной идеей выступает творческий акт. В «Научных трудах» А. Е. Кулаковского находим: «Юрюн Аар Тойон – создатель Вселенной и человека, глава небес и остальных богов...» [14, с. 17]. Таким образом, по мифологической версии в фольклорных материалах дается общее понятие о космическом едином первоначале – *Юрюн Аар Тойоне*, что на языке геометрии предстает как символ абсолютного единства, или на языке пифагорейцев – «божеством-единицей», от которой возникают все остальные числа. В таком ракурсе параллелизм видений очевиден и в вопросах наличия многочисленного потомства *Юрюн Аар Тойона* эпической мифологии. *Юрюн Аар Тойон* является богом богов, наделен высшим титулом и высшими функциями в сонме светлых божеств. В этом смысле показательна и информативно насыщена *олонхо* «Потомки Юрюн Айыы Тойона» М. Н. Ионовой-Андросовой. Вся божественная структура проецируется по типу семейно-индивидуальных и родовых традиций. Есть единая верховная глава всего семейства, есть дети, их статус определяется по старшинству и функциональным обязанностям. В пространственном отношении их месторасположения локализованы по ярусам небосвода, как указал А. Е. Кулаковский: «Айыы живут на небесах, по одному семейству на каждом небе» [14, с. 15]. По классификации Л. А. Афанасьева, небесные сферы состоят из 9 прослоек, на лоне каждой обитает один из членов большого семейства. Обращает на себя внимание форма небес в космогонических воззрениях предков – куполообразные, что по логике вещей должно иметь высшую точку. На основе вышеприведенного можно констатировать: мифологические воззрения предков трактуют единое космическое начало в лице патриарха пантеона *Юрюн Айыы Тойона*, восседающего на самом верхнем девятом небе, от которого последовательно исходят верховные божества, имеющие свое место на каждом небе в единой вертикальной 9-ярусной системе Верхнего мира. На языке двумерной геометрии (в плоскостной проекции) форма Верхнего мира представляется в виде треугольника. А путем трехмерной логики мы получаем форму в виде четырехгранной пирамиды, имеющей общую вершину. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что вопросы дефиниции, локуса пантеона божеств *сах* на сегодня продолжают оставаться весьма спорным полем исследований, и реконструкция пространственного каркаса структуры послужила бы своего рода начальным упорядочивающим вектором в исследованиях данного направления. Вопрос в будущем ждет своих исследователей.

Как следует из вышеизложенного, в фольклорных текстах с горизонтальным членением пространства связаны числа 4 и 8 [3]. Общеизвестно, что пространственной моделью космоса выступает жилище эпического героя – якутский балаган, где 4 стороны света соответствуют 4 сторонам жилища: «С южной стороны из девяноста лиственниц молодых подпорку поставили, с западной стороны из восьмидесяти лиственниц толстых опоры прочную соорудили, с северной стороны множеством лиственниц крепко-накрепко подперли, с восточной стороны семьюдесятью крепкими столбами глухо-наглухо сколотили» [37, с. 56]. Данный аспект основательно рассмотрен исследователем Л. Л. Габышевой [4]. Как повествует эпическое сказание, дом *олонхо* построен небожителями: «Видимо, наяву сам Баай Барыылаах столбы поставил; наяву снизойдя, Эйиэхсит Иэйиэхсит стену сделала; белая Айыысыт потолок покрыла» [31,

с. 135]. Что касается вопроса схождения небес с землей, А. Е. Кулаковский отмечает: «Куполообразные небеса по окружности сходятся с землей, которая по краям постепенно поднимается кверху» [14, с. 10]. В ракурсе темы нашего исследования любопытно выделить мифологическую концепцию: «Земля была похожа на четырехугольный коврик-тэллэх» [6, с. 95]. Известно, что у древних тюрков квадрат выступал символом земли. Из уподобления дома эпического героя космосу логично вытекает структурализация Среднего мира – при рассмотрении в объемных формах, т.е. в трехмерной геометрии, конструкция Среднего мира соответствует форме усеченной четырехгранной пирамиды, где основанием выступает четырехугольник.

Теперь приведем анализ эпического пространства Нижнего мира. Как заметил А. Е. Кулаковский, в текстах *олонхо* Нижний мир – «давить ее – не поддается, наступить на нее – не гнется, толкать – не шелохнется», из чего логично заключает, что речь идет о действии сверху [14, с. 11]. Ценным для нас является описание его формы в якутском фольклоре: «*Үрдэ үмүрүк, орто то кудумһулаах, түгэһэ дэлбиһэх*», что в переводе «Верх его суживающийся, середина, расширяющаяся книзу, низ более широкий», а далее А. Е. Кулаковский дополняет: «Из этих слов в уме якута создается представление урасы (конусообразный шалаш)» [14, с. 12]. Конус представляет собой геометрическое тело, созданный совокупным единением лучей, исходящих из одной точки, основанием имеет круг. Он очень близок к треугольнику и пирамиде. С одной стороны, конус получается при вращении треугольника вокруг неподвижной одной стороны (катета). С другой, мы полагаем, что это предметное представление мировосприятия предков логично исходило из увеличения числа сторон основания, откуда исходящие боковые ребра многоугольника постепенно сливаются и получается округленная поверхность пирамиды в виде другого геометрического тела – конуса. Что касается вопроса границы соприкосновения между Средним и Нижним мирами, в фольклорных текстах мы не находим четкого описания, как в случае его формы, и описание пространства Нижнего мира разворачивается постепенно, как отметила Л. Н. Семенова, именно с точки зрения движения эпического героя как продукта динамического процесса – в результате соприкосновения джижущегося персонажа с пространством [19, с. 182–190]. Таким образом, выраженным признаком Нижнего мира выступает принцип широты «*кэтит үтүгэн*» (широкая преисподняя) с точки отсчета с поверхности Средней земли путем направления взора вниз со стороны «крыши-потолка подземного мира» (термин А. Е. Кулаковского). Отсюда мы можем полагать – Нижний мир представляется пространством, обладающим большим объемом в соотношении с размерами Среднего мира, причем имеющим подобную форму. В таком ракурсе интересна версия Пифагора относительно структуры мироздания – Высший мир (Средний мир) и Низший мир (Нижний мир) подчиняются Высочайшему миру Высшего божества и существуют внутри него. При этом Нижний мир есть тень Среднего мира, где обитают создания, занятые работой над материальными субстанциями.

Исследуя идею целостности мира нельзя обойти вниманием понятие сакральности центра. Центром, выполняющим функцию структурирования мира, выступает мифологический образ Мирового древа, пронизывающий все три мира *олонхо*. В связи с этим хочется отметить одну деталь – три мира Вселенной кружатся вокруг одной оси: «Где б ни родился дерзкий наглец, что силой своей гордясь, осмелится пошагнуть основу Вселенной, опорную ось кружащихся трех миров» [20, с. 33], в виде перпендикуляра (прямой, опущенной из вершины геометрической фигуры на плоскость основания) пирамиды.

Итак, обобщая все вышеизложенное, получим общую картину мира. При развертывании фольклорного пространства по вертикали и по горизонтали вырисовывается единая система

мироздания якутского мироздания – на языке двумерной геометрии (в плоскости) предстает в виде равностороннего правильного треугольника, в ракурсе трехмерной геометрии (в объемных формах) в виде четырехгранной пирамиды, состоящего из трех уровней, расположенных последовательно и имеющих одну ось, обозначенного в эпосе Мировым деревом. При расшифровке образного языка формы, представляющего как геометрический символ в мифологии, эпическое пространство репрезентируется соответственно следующим образом: верхняя часть имеет вершину или высшую точку, соотносимую с космическим началом в лице патриарха *Юрюн Айыы Тойона*, от единого начала исходят 4 боковые грани в форме треугольников, соответственно ориентированных по сторонам света, где по вертикали различных пространственных направлений последовательно локализованы остальные божества; средняя часть соответственно пространственной конструкции пирамиды представляет собой форму усеченной пирамиды, что полностью укладывается с семантическим моделированием пространства в виде якутского балагана, где по представлению предков «умещается весь космос» [17, с. 86]; нижняя часть, согласно с прилеганием к основанию, является самой широкой частью геометрической фигуры, идентичной по форме со средней частью (представляя форму усеченной пирамиды), но отличительной по пространственному объему.

Вышеобозначенное соответствие закрепляется и сутью известного тетрааксиса Пифагора – треугольной фигуры, составленной десятью точками в форме пирамиды [12, с. 85]. Заметим, что из всех чисел самым совершенным числом пифагорейцы считали 10, считая его архетипом Вселенной. Тетрааксис выражает собой целостность Вселенной, движущегося от единства космического начала ко множеству материальных миров.

Заключение

В недрах эпической синкретической модели мира предков *саха*, изобилующей метафорическим языком, хранится молчаливое знание в виде закодированной информации о строении Вселенной. Вопрос дешифровки, восстановления понятий требует деликатного и тонкого подхода с учетом национальных особенностей мышления и языка народа. Геометрия форм отражает основы жизни. Структурно-семантический анализ посредством последовательного реконструирования геометрической формы эпического мироздания демонстрирует существование семантического инварианта фольклорных текстов в виде устойчивой геометрической фигуры – пирамиды. Структурная и семантическая общность эпической модели мира предков с теоретическими основами математики и геометрии свидетельствуют о единстве сущности мироздания, неразделимо связанного с идеями общечеловеческих ценностей и смыслов в мышлении людей. Важной составляющей подхода выступает стремление через частность постижения мира к непоколебимой универсальности единства миропорядка, непосредственно затрагивающей вопросы этических идей ответственности человека перед природой посредством органической его включенности в целостный мир. В таком ракурсе рассуждений результаты работы настраивают и аккумулируют дальнейшие сравнительные исследования внутренней организации структуры эпического мироздания, локусов и числовых символик божеств якутского пантеона с точки зрения многомерной геометрии.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюрко-монгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

Литература

1. Блаватская Е. П. *Ключ к теософии. Избранные статьи*. М.: Эксмо, 2009. 464 с.

2. Блаватская Е. П. *Тайная доктрина. В 5-ти кн.* М.: Сирень, **1993**. Т. 3. 571 с.
3. Габышева Л. Л. Сакральные числа в культуре якутов и других тюркских народов // *Миф, символ, ритуал. Народы Сибири.* М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, **2008**. С. 23–34.
4. Габышева Л. Л. Функции числительных в мифопоэтических текстах (на материале олонхо) // *Язык – миф – культура народов Сибири: Сб. статей.* Якутск: Якут. ун-т, **1988**. Вып. 1. С. 78–91.
5. Гоголев А. И. *Истоки мифологии и традиционный календарь якутов.* Якутск: Изд-во ЯГУ, **2002**. 104 с.
6. Гоголев А. И. Основные сюжетные вариации в якутской мифологии // *Язык – миф – культура народов Сибири.* Якутск: Изд-во ЯГУ, **1988**. С. 93–102.
7. Жуковская Н. Л. Пространство и время в мировоззрении монголов // *Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии.* М.: Наука, **1986**. С. 118–134.
8. Иванов Н. А. Эволюция орнамента в трудах А. Ригля // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.* **2010**. №124. С. 268–271.
9. Избекова Е. И. *Числительные в олонхо: структура и семантика.* Якутск: Изд. дом СВФУ, **2014**. 152 с.
10. Ионова-Андросова М. Н. *Олонхо, песни, этнографические заметки, статьи.* Якутск: Кудук, **1998**. 733 с.
11. Каратаев В. О. *Якутский героический эпос «Могучий Эр Соботох».* Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, **1996**. 440 с.
12. Королев К. М. *Энциклопедия символов, знаков, эмблем.* М.: Эксмо, **2005**. 608 с.
13. Косарев А. Ф. Мифология и ее эвристическая значимость: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., **1996**. 37 с.
14. Кулаковский А. Е. *Научные труды.* Якутск: Книжное издательство, **1979**. 484 с.
15. Лосев А. Ф. *Диалектика мифа.* М.: Мысль, **2001**. 58 с.
16. Лосев А. Ф. *Античный космос и современная наука.* М.: Мысль, **1993**. 958 с.
17. Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М. *Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир.* Новосибирск: Наука, **1988**. 225 с.
18. Неклюдов С. Ю. Структура и функции мифа // *Современная российская мифология.* М., **2005**. 43 с.
19. Неклюдов С. Ю. Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // *Типологические исследования по фольклору.* М.: Наука, **1975**. С. 182–190.
20. Ойунский П. А. *Нюргун Боотур Стремительный.* Якутск: Якутское книжное издательство, **1975**. 430 с.
21. Ойунский П. А. *Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание.* Якутск: Изд. дом СВФУ, **2016**. 120 с.
22. Ольшевская Н. *Большая книга нумерологии.* М.: АСТ, **2011**. 800 с.
23. Плутарх. *Застольные беседы.* М.: Мир книги, Литература, **2007**. 464 с.
24. Привалова В. М. Орнаментальная культура. Социально-психологический обзор // *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология».* **2009**. №2(6). С. 172–189.
25. Пропп В. Я. *Фольклор и действительность.* М.: Наука, **1976**. 327 с.
26. Потеня А. А. *О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. Переиздание.* СПб., **1995**.
27. Рождественская С. Б. *Русская народная художественная традиция в современном обществе. Архитектурный декор и художественные промыслы.* М.: Наука, **1981**. С. 19–206.
28. Сатанар М. Т., Илларионов В. В. Сакральная символика эпического числительного «четыре» // *Мир науки, культуры, образования.* **2017**. №2(63). С. 334–337.
29. Сатанар М. Т., Илларионов В. В. Структурный анализ локуса основ якутского пантеона божеств // *Мир науки, культуры, образования.* **2017**. №6(67). С. 428–430.
30. Топоров В. Н. *Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции.* М.: РГГУ, **1998**. 319 с.
31. Уткин К. Д. *Религиозные и философские воззрения коренных народов Якутии.* Якутск: Бичик, **2010**. 216 с.
32. Флоренский П. А. *Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях.* М.: Прогресс, **1993**. 324 с.
33. Холл М. П. *Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии.* Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, **1997**. 794 с.
34. Шаракшинова Н. О. Космогонические представления в эпосе монгольских народов // *Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока.* Якутск: Издание Якутского филиала СО АН СССР, **1978**. С. 20–24.
35. Элиаде М. *Аспекты мифа.* М.: Инвест-ППП, **1995**. 256 с.
36. Эргис Г. У. *Очерки по якутскому фольклору.* Якутск: Бичик, **2008**. 400 с.
37. Ядрихинский П. П. *Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта. Олонхо.* Якутск: Сайдам, **2011**. 448 с.

Поступила в редакцию 06.11.2018 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2018.6.4

Sakha world model: semantics considered in terms of geometry of forms (based on Yakut folklore material)

© M. T. Satanar^{1*}, V. V. Illarionov²

¹*Research Institute of Olonkho, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
58 Belinsky Street, 677000 Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia.*

²*Institute of Languages and Cultures, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
58 Belinsky Street, 677000 Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia.*

*Email: satanar68@mail.ru

In search for ways to get out of the spiritual crisis, humanity turns to ancient knowledge. It is no wonder, as the genetic memory of the mythological, which is inherent in the consciousness, is a powerful spiritual potential. Myth is an effective spiritual instrument with humanistic value. Therefore, an appeal to the epic heritage is in high demand nowadays. On the other hand, many of the problems of the modern society lead to the necessity of forming a new landmark worldview. The key moment in the formation of a new system of thinking is the presentation of a new picture of the world. The worldview based on the synthesis of the scientific empirical cognition method and the metascientific cognition method. The authors of the article make an attempt to reconstruct the spatial model of the Sakha world from the perspective of the geometric picture of the world. The aim of the study is to identify and describe the structural-semantic unity of various forms of knowledge. To achieve the aim, the authors use methods that are widely practiced in folklore, as well as methodologies of synergetics, extrapolation, and hermeneutics. According to the authors' hypothesis, the system of the universe of olonkho in two-dimensional geometry appears as a regular triangle, in three-dimensional geometry as a four-sided pyramid. Views reflecting the general spatial framework of the ancient olonkho and the geometric picture of the world provide a holistic perception and understanding of the unity of the universe.

Keywords: Sakha, olonkho, picture of the world, folklore text, motive, Universe, numbers, geometry of forms, triangle, pyramid.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Satanar M. T., Illarionov V. V. Sakha world model: semantics considered in terms of geometry of forms (based on Yakut folklore material) // *Liberal Arts in Russia*. 2018. Vol. 7. No. 6. Pp. 471–481.

References

1. Blavat-skaya E. P. *Klyuch k teosofii. Izbrannye stat'i [The key to theosophy. Selected articles]*. Moscow: Eksmo, 2009.
2. Blavat-skaya E. P. *Tainaya doktrina. V 5-ti kn. [The secret doctrine. In 5 books]*. Moscow: Siren', 1993. Vol. 3.
3. Gabysheva L. L. *Mif, simvol, ritual. Narody Sibiri*. Moscow: Ros. gos. gumanit. un-t, 2008. Pp. 23–34.
4. Gabysheva L. L. *Yazyk – mif – kul'tura narodov Sibiri: Sb. statei*. Yakut-sk: Yakut. un-t, 1988. No. 1. Pp. 78–91.
5. Gogolev A. I. *Istoki mifologii i traditsionnyi kalendar' yakutov [The origins of the mythology and the traditional calendar of the Yakuts]*. Yakut-sk: Izd-vo YaGU, 2002.
6. Gogolev A. I. *Yazyk – mif – kul'tura narodov Sibiri*. Yakut-sk: Izd-vo YaGU, 1988. Pp. 93–102.
7. Zhukovskaya N. L. *Mify, kul'ty, obryady narodov zarubezhnoi Azii*. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 118–134.
8. Ivanov N. A. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2010. No. 124. Pp. 268–271.
9. Izbekova E. I. *Chislitel'nye v olonkho: struktura i semantika [Numerals in olonkho: structure and semantics]*. Yakut-sk: Izd. dom SVFU, 2014.

10. Ionova-Androsova M. N. *Olonkho, pesni, etnograficheskie zametki, stat'i [Olonkho, songs, ethnographic notes, articles]*. Yakut-sk: Kuduk, **1998**.
11. Karataev V. O. *Yakut-skii geroicheskii epos «Moguchii Er Soġotokh» [Yakut heroic epic "The mighty Er Sogotokh"]*. Novosibirsk: Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma RAN, **1996**.
12. Korolev K. M. *Entsiklopediya simbolov, znakov, emblem [Encyclopedia of symbols, signs, emblems]*. Moscow: Eksmo, **2005**.
13. Kosarev A. F. *Mifologiya i ee evristicheskaya znachimost': avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Saint Petersburg, 1996*.
14. Kulakovskii A. E. *Nauchnye trudy [Scientific works]*. Yakut-sk: Knizhnoe izdatel'stvo, **1979**.
15. Losev A. F. *Dialektika mifa [The dialectics of myth]*. Moscow: Mysl', **2001**.
16. Losev A. F. *Antichniy kosmos i sovremennaya nauka [Antique cosmos and modern science]*. Moscow: Mysl', **1993**.
17. L'vova E. L., Oktyabr'skaya I. V., Sagalaev A. M. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri: Prostranstvo i vremya. Veshchnyi mir [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia: Space and time. The real world]*. Novosibirsk: Nauka, **1988**.
18. Neklyudov S. Yu. *Sovremennaya rossiiskaya mifologiya*. Moscow, **2005**.
19. Neklyudov S. Yu. *Tipologicheskie issledovaniya po fol'kloru*. Moscow: Nauka, **1975**. Pp. 182–190.
20. Oiunskii P. A. *Nyurgun Bootur Stremitel'nyi [Nyurgun Bootur – the rapid]*. Yakut-sk: Yakut-skoe knizhnoe izdatel'stvo, **1975**.
21. Oiunskii P. A. *Yakut-skaya skazka (olonkho), ee syuzhet i sodержanie [Yakut tale (olonkho), its plot and content]*. Yakut-sk: Izd. dom SVFU, **2016**.
22. Ol'shevskaya N. *Bol'shaya kniga numerologii [Big book of numerology]*. Moscow: AST, **2011**.
23. Plutarch. *Zastol'nye besedy [Table talks]*. Moscow: Mir knigi, Literatura, **2007**.
24. Privalova V. M. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya «Psikhologiya»*. **2009**. No. 2(6). Pp. 172–189.
25. Propp V. Ya. *Fol'klor i deistvitel'nost' [Folklore and reality]*. Moscow: Nauka, **1976**.
26. Potebnyia A. A. *O mificheskoi znachenii nekotorykh obryadov i poverii. Pereizdanie [About the mythical significance of certain rites and beliefs. Reissue]*. Saint Petersburg, **1995**.
27. Rozhdestvenskaya S. B. *Russkaya narodnaya khudozhestvennaya traditsiya v sovremennom obshchestve. Arkhitekturnyi dekor i khudozhestvennye promysly [Russian folk art tradition in modern society. Architectural decor and artistic crafts]*. Moscow: Nauka, **1981**. Pp. 19–206.
28. Satanar M. T., Illarionov V. V. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. **2017**. No. 2(63). Pp. 334–337.
29. Satanar M. T., Illarionov V. V. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. **2017**. No. 6(67). Pp. 428–430.
30. Toporov V. N. *Predystoriya literatury u slavyan. Opyt rekonstruktsii [Prehistory of literature of the Slavs. Reconstruction attempt]*. Moscow: RGGU, **1998**.
31. Utkin K. D. *Religioznye i filosofskie vozzreniya korennykh narodov Yakutii [Religious and philosophical views of the indigenous peoples of Yakutia]*. Yakut-sk: Bichik, **2010**.
32. Florenskii P. A. *Analiz prostranstvennosti i vremeni v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh [Analysis of spatiality and time in artistic works]*. Moscow: Progress, **1993**.
33. Khol M. P. *Entsiklopedicheskoe izlozhenie masonskoi, germeticheskoi, kabbalisticheskoi i rozenkreitserovskoi simbolicheskoi filosofii*. Novosibirsk: Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma RAN, **1997**.
34. Sharakhshinova N. O. *Epicheskoe tvorchestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Yakut-sk: Izdanie Yakut-skogo filiala SO AN SSSR, **1978**. Pp. 20–24.
35. Eliade M. *Aspekty mifa [Aspects of myth]*. Moscow: Invest-PPP, **1995**.
36. Ergis G. U. *Ocherki po yakut-skomu fol'kloru [Essays on Yakut folklore]*. Yakut-sk: Bichik, **2008**.
37. Yadrikhinskii P. P. *Devushka-bogatyr' Dzhirybyna Dzhirylyatta. Olonkho [The young woman-hero Dzhirybyna Dzhirylyatta. Olonkho]*. Yakut-sk: Saidam, **2011**.

Received 06.11.2018.

Revised 17.12.2018.